

Портрет работы В. Левики

МАЛЫЙ СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

НИНА МАНУХИНА

**СМЕРТИ НЕПОДВЛАСТНА
ЛИШЬ ЛЮБОВЬ**

Стихотворения

Водолей Publishers
Москва – 2006

ББК 84Р7-5
М24

Редакционная коллегия серии:

Р. Бёрд (США),
Н. А. Богомолов (Россия),
Е. В. Витковский (Россия, *председатель*),
С. Гардзонио (Италия),
Г. Г. Глинка (США),
О. А. Лекманов (Россия),
В. П. Нечаев (Россия),
В. А. Резвый (Россия),
В. А. Синкевич (США),
Р. Д. Тименчик (Израиль),
Л. М. Турчинский (Россия),
Л. С. Флейшман (США)

Составление, подготовка текста
и послесловие *Вадима Перельмутера*

Научный редактор *Евгений Витковский*

ISBN 5-902312-84-1

© В. Перельмутер,
составление,
послесловие, 2006
© Водолей Publishers, 2006

* * *

В. В. Максимова

Я люблю полумрак моей красной гостиной,
Средь тяжелых портьер приютившийся стол,
Рядом сфинксов улыбки и, плахтой старинной,
В блекло-синих разводах, затянутый пол.
И фигурку Пьерро возле рамки овальной,
И химеру Notre-Dame (память милых часов!),
«Даму в синем» с улыбкой тревожно-печальной
И граненый флакон от любимых духов.
Грудю пестрых подушек на старом диване,
Абажура горячий, алеющий тон,
И отсветы огня на лиловом экране,
И часов на бюро остекляненный звон.
Мягких складок капота уютная нега,
Книжка вычурной Нелли иль строгой Парнок;
За окном переливы хрустящего снега, –
И желанный давно телефона звонок!

916. XII*

* Здесь и далее даты даются в авторских вариантах написания (В.П.).

СОЧЕЛЬНИК

Мамочке моей

Высятся пышного, невозмутимого снега сугробы.
Шепчет невнятно колючий, нахмуренный ельник.
Здесь, где лежишь ты, любимый, в крови
и без гроба,
Справлю свой скорбный сочельник...
Свеч восковых затеплю огоньки синеватые
В бархате траурном сумрачной хвои;
Снежные хлопья нависнут пластами, как вата...
Всё, как всегда... и у елки зажженной – нас двое...
Я расскажу тебе всё, что сказать не успела...
Ты не смотри, что я плачу, – сейчас мне легко...
Но догорела свеча и смолистая хвоя затлела, –
Дым, словно ладан, растаял, клубясь высоко...
Тихо... совсем незаметно стемнело...
Звезды осыпали небо... Вдруг благовест зло
оборвал тишину...
Я разучилась молиться... Когда-то умела...
Бог всё равно не услышал!.. оставил одну...

24. XII. 918

АВТОПОРТРЕТ

Намеренно-простой и строгий туалет,
На выпуклых губах притушен след улыбки,

От загнутых ресниц трепещущий ответ,
И карих глаз отливы странно-зыбки.
На худенькой руке запаянный браслет, –
Изменчивых опалов жуткие загадки
Напоминают про мистический обет,
Про подвиги любви, которой муки сладки.
Тембр голоса усталый и глухой,
Надломленность порывистых движений,
И, ради призрака мечты, безумной и больной,
Вся жизнь полна не чувств, а только отражений.

919

* * *

А что плачу я – это безделка:
Слезы женщин подобны росе...
Только память, усталая белка
В неразрывном кружит колесе.

Н.М.

Я научилась пить вино разлук
С улыбкою не доброю, не злою.
Я не боюсь, что натянувший лук
Сам упадет, ужаленный стрелою,
И даже дрожь неповторимых слов
Я заглушить и задушить сумела,
А если вновь возникнет жажда снов –
Ей покорится только тело...

Но память-зеркало тускнеет и теперь,
Когда твое произношу я имя,
И мечется душа, осиротевший зверь,
Вслед за глазами серыми твоими.

1921

* * *

Ночным медлительным покоем
Испепелен дневной костер,
И пчелы звезд лучистым роєм
Усеяли небес шатер.
Расплывчато маячат зданья,
Струится сонно тишина,
Душа, набухнув от страданья,
Опять тоской оглушена.
Прибои дней всё монотонней,
Невнятной мысли и слова,
И равнодушие углубленней,
И ниже никнет голова,
И сердце в горестном уклоне
Не верит в боль звенящих строк,
И жизнь сквозь сжатые ладони
Сочится, как речной песок.

1921

* * *

Легкой яхтой белогрудой
Дни всплывают в вечера,
Я была твоей причудой,
Не сегодня, а вчера.
Покоряться было сладко
Нежной боли и тоске
И расстегивать перчатку,
Чтоб прижался ты к руке.
Знать заранее все измены,
Те, что были, те, что нет,
И не вырваться б из плена,
Не уйти б на волю мне.
Ну, а нынче рано встала –
Воздух парусом надут:
Вот-вот-вот сорвет с причала
Яхты легкие минут.
За кренящейся кормою
Солнце в брызги раздробя,
Жизнь плеснет, а ветер смоет,
Смоет память про тебя.

1921

ОБЕЗЬЯНКА

Захлебнулась шарманка «Разлукой»
По дворам и в пролеты лет,

Закрутил ее серб однорукий,
Смуглолицый сутуля скелет.
На плечо я к нему броском,
Зябко ежиться от озноба,
А в груди распирает ком –
Человечья скучливая злоба.
Хляснет окрик – и спрыгну плясать
И умильные корчить рожи,
Полустертые цепко хватать
Медяки, что на дни похожи.
В апельсин золотой вцепясь,
Поднесла невзначай ко рту,
Да косится хозяин, озлясь,
Сочный плод с размаху – в картуз,
А потом, слюну проглотив,
Замигаю, закрою веки,
И опять неотвязный мотив,
И опять на плечо калеки...
Так идем от двора к двору,
Я забыла – что явь? что бред?
Но боюсь одного: умру –
Серб немедля пойдет вослед.

1922

* * *

Новая Земля – за полярным кругом.

Г.Ш.

Не девочкою – странницей усталой
Войду в твой дом: прими и обогрей,
На зов любви, на зов тоски твоей
Из гроба, пробудившись, встала.
Был душен склеп, и сон опеленал,
Бесформенный, тяжелый, безжеланный.
Покорностью душа объята странной
Была мертва. Но ты меня позвал, –
И снова жизнь, и снова мне в лицо
Весенний ветер, жадный и упругий,
И ты зовешь, зовешь своей подругой
И разрываешь смертное кольцо.
Пусть так... Но помни: это ты позвал,
Лишь для тебя я снова жизнь приемлю,
Я новую с тобой хочу увидеть землю,
Обетованную, что ты мне обещал.

апрель 23

* * *

Я всё приму как радость: дни простые
И будничную сеть забот домашних,
Мозоли на изнеженных руках...

Извечный ритм родного очага
В гуденьи примуса поймать сумею,
И копоть в бабочек я претворю –
Мохнатых, траурных и бархатистых...
Скупую ласковость – в такую нежность,
Что задрожит до глубины душа...
Но если где-то есть клочок бумаги,
На нем знакомым почерком слова,
Слова любви, неутолимой муки,
И все для той – единственной, любимой,
Тогда... мне нечем жить!

ноябрь 24

* * *

Страшно кораблю в океане
В бурю, шторм, в темноте,
На неизмеренном меридиане,
На неисчисленной широте.
Страшней, когда нет ни боя,
Ни воды косматых лавин,
Когда в комнате только двое
И каждый совсем один.

924

ШЕСТЬ СТИХОТВОРЕНИЙ

1

Но молчи: несравненное право –
Самому выбирать свою смерть.

Н. Гумилев

Значит, тесен мир, что на моем пути
Ты опять живой, из плоти и из крови,
Значит, от земной и тягостной любви
Даже смерти не дано спасти?!
И опять твои слова, как темный бред,
Жалуешься, молишь, злобно укоряешь,
И к виску опять упорно прижимаешь
Тот проклятый скользкий пистолет!
И рука опять не дрогнет, и опять...
Господи! в который раз мне видеть!
Ты, сумевший и любить, и ненавидеть,
Научись когда-нибудь прощать!

24 декабря 24 г.

2

Я не сплю... ведь было, было это!

Г.Ш.

«Я не сплю... ведь было, было это...»
Вот он Кремль и теплый белый храм...

А сейчас стальное дуло пистолета –
И расколется сознание пополам...
И опять, опять на миг приснится –
Ясный день, прозрачный летний зной,
Милых глаз тяжелые ресницы,
Гордых губ рисунок вырезной...
Больно станет мне, и через силу
Алой пеной выплесну слова,
Черной ласточкою острокрылой
Смерть, скользнув, замедлится едва.
С носорожьей глыбы парашета,
Свистнув шелком, тело соскользнет...
Я не сплю... ведь будет, будет это!
Храм солгал, но пуля не солжет...

январь 25 г.

3

...Сочится, как речной песок.

Н.М.

Уже не песок, а пыль...
Душа – иссохший ковыль...
Но всё еще злым огнем
Полыхает память о нем...
И больше невмочь молчать,
И голоса нет закричать...

А если по капле кровь –
И тогда не вернется вновь?
А если избыть тоску,
А если дуло к виску?
Но знаю – и в смертный час
Всё та же ненависть глаз...

август 30

4

Не то... не то... Под этим знаком
Прошла вся жизнь, стихи, любовь...
И клейким потемневшим лаком
Висок ей запятнала кровь...
Лежит спокойная, пугая
Последней смертной синевой,
Уже не та, уже другая...
Двойник бессильный, восковой...
Рука чуть судорогою сжата,
Бровь удивленно поднята...
Какая жалкая расплата
За то, что солгала мечта!

март 30

5

Ты ли это, гордая такая,
Для которой было ничем,
Даже если кровь, тобою пролитая,
Закипала бешеным ключом.
Двое было их... ты помнишь? – двое,
Смертью приобщенных вот из этих рук,
А теперь сама ты молишь о покое,
Исцеляющем недуг...
А теперь тебе самой знакома
Обессиливающая пустота,
И тягучая предсмертная истома
Вместо крови разлита...
Что ж – пора! осталось пустое:
Сделать петлю, взмылить и шагнуть.
Двое было их... ты помнишь? – двое,
И они помогут затянуть.

ноябрь 30

6

Два подарочка оставил мне любимый:
Высохших бессмертников букетик,
Проволокой стянутый скелетик,
Прямо в руки отдал мой любимый.
А другой подарочек, занятный,
Он оставил в ящике нарочно,

Зарядив заботливо и прочно...
Обо всем подумал ненаглядный!
Стану ночью, мол, по комнате метаться
От обиды злой да от разлуки,
И подарок тот нашарят руки
И вопьются, чтоб не оторваться...
Что ж! – обманывать тебя мне не пристало:
Как вернее? – под сосок, налево?
Укажи, любимый, мой, без гнева, –
Я нечеловечески устала.

17 декабря 33

* * *

С тех пор, как узнал я,
Что реальность совсем нереальна,
Как думать могу я,
Что сны – только сны!..

Японская лирика

Меня влечет водоворот:
Ночные бреды стали явью,
И память, этот жалкий крот,
Влачится на тропинку навью.
И крови прядает приборой,
И сердце, дрогнув, замирает,
Когда гортанный окликает
Голос, отторгнутый судьбой.

Как на призыв мне промолчать, –
Ведь это юность окликает!
Отозвалась... И у плеча
Дыхание ее сникает...
А поутру стыжусь сказать
Про навью духоту недуга
И горестно гляжу в глаза
Обманутого мною друга.

март 25

ДЕРБИ

И жизнь, и чувство на ущербе,
К чему обманываться вновь? –
Позорно проиграла Дерби
Моя последняя любовь.
Да, раньше ставок было много:
Страсть, чувственность, шальной каприз,
Но как настойчиво, как строго
Я берегла последний приз!
И вот поставлен он... вдогонку
Душа рванулась и летит...
Но неожиданно и звонко
Смолкает цоканье копыт.
И чувствую солоноватый
Вкус крови, брызнувшей в меня:

Любовь, неистовый вожатый,
Загнала своего коня.

январь 27

* * *

Свершая огненный полет*,
Как знак немой предначертанья,
Минуя звездный хоровод
В горящих безднах мирозданья,
В путях небесного блужданья
Чуждаясь ведомых орбит,
В своем стремленье и сгораньи
Не остывал аэролит.

Попав в страну, где всё цветет,
Где спит под миртами сознание,
Где кровь не стынет в свой черед,
Сирень не знает увяданья,

* Стихотворение написано во время проходившего в Доме Волошина «Турнира французской баллады» (заданный рефрен: «Не остывал аэролит»), в котором также принимали участие хозяин дома, Е. Ланн, Г. Шенгели, С. Шервинский и др. Участники сдавали свои баллады в жюри без подписей – под девизами; Нина Манухина выбрала девиз: «Гори, гори ясно!»; в авторском – архивном – экземпляре машинописи пропущена строка в третьей строфе (В.П.).

Часы блаженного свиданья
Чужды измены и обид, –
Там, словно вечности сиянье,
Не остывал аэролит.

Обеты, клятвы и желанья,
Был случай раз, когда с высот
Упавший к нам – в час умиранья –
.....
Положенный как изваянье –
На склеп поэта (так гласит
Поэтов общее преданье) –
Не остывал аэролит.

Как огненное начертанье,
Пусть этот стих для всех горит
Девизом горького скитанья:
«Не остывал аэролит!»

между 26 и 30 августа 1928
Коктебель

* * *

Молния это? След ли
Звезды, соскользнувшей вниз?
Или мертвые петли
Еще не оборвались?

Кто это птицей реет
В этой ночи, впотьмах?
Сердце разом немеет,
Но это не боль, не страх.
Ты ли это, любимый?
Так дай же, дай знак!
Ключьями злого дыма
Пусть разорвется мрак!
И снова, снова с тобою...
Явь ли? Полуночный бред?
В судорожном прибое
Рванулося сердце вслед.
Падучей звездой полоснуло –
Памятью – над землей...
Поздно! – меня захлестнуло
Мертвой петлей...

Сентябрь 29

ЗЕРКАЛО

Я знаю, что в последнюю минуту
Его прижмут к моим губам вплотную,
Но зеркало, со мной покончив счеты,
Останется невозмутимо-ясным...
И комната нальется тишиной –
Прохладной, хрупкою, совсем стеклянной...
Но я, от тела отрываясь, всё же

Еще почувствую твой страшный оклик:
«Мама!.. мама!..»

929

* * *

И вдруг понять и всё простить,
Но так, чтоб не было возврата,
Чтоб не хотелось снова мстить,
Чтоб нежностью была крылата
Освобожденная душа,
Чтоб было радостно дышать
В доме, раздавленном враждою,
Чтоб с вешней шалою водою
Несло и мир и благодать...

Март 30

* * *

Немилых дней меня знобит остуда,
Меня томит колючий холодок,
И медленно сочится из-под спуда
И ненависть, и горечь, и упрек.
Как отогреться в этой стуже дикой?
Как одиночество избыть и превозмочь?

А память мечется бездомной Эвридикой
И ускользает в ночь...

932

* * *

О любви своей единственной,
Неудавшейся любви,
Он читал мне, но таинственный
Холодок в моей крови,
И следила равнодушно я
За тончайшей вязью строк,
Нелюбимая, ненужная,
Так – сгоревший уголек,
А ведь раньше как рыдала бы,
Яд сжимала бы в руке,
И проклятия, и жалобы
Выкликала бы в тоске...
Но недаром жизнь кончается –
Стала мудрой... Погляди:
Словно маятник, качается
Сердце мертвое в груди.

13 декабря 34

* * *

И придет за номером бумажка:
Имярек, такого-то числа...
Ты прочтешь и, вскрикнув, рухнешь тяжко,
И насмарку всё, чем ты жила...
И напрасно стала б ты молиться:
Бог отцов неумолим и строг, –
Суждено, что кровь должна пролиться
И беда перешагнуть порог...
Что мы можем! – слабыми руками
Удержать ли жизни огонек? –
Смерть стоит вплотную за плечами,
Взмах косы, как легкий ветерок...
Улетаем, не стерев улыбки,
Слов не досказав, не кончив дел,
Словно пух, невидимый и зыбкий,
Улетаем за земной предел...
Что нас ждет? Небытие? Иль, может,
Новый скорбный и бесцельный путь?
Но никто, никто нам не поможет
Милое нам прошлое вернуть...

январь 35

* * *

Да, жизнь не удалась. Разлука не страшит.
Молчание и ложь к нам протянули руки,

И каждый одинок, и каждый ворошит
Клубок обид, отчаянья и скуки.

И дома нет у нас, нет в очаге огня,
Чтоб отдохнуть вдвоем и отогреться вместе...
Душа, покорную приниженность кляня,
Неистовствует и взывает к мести.

Он вещим был, тот сон, что принят мной за бред:
Рассвета муть и в диком поле сиротливо
На клочьях выжженной травы лежит скелет,
Застыл туман меж ребер прихотливо.

Очнулась в ужасе и чувствую: то – я,
И сквозь меня та муть белесая струится,
И этот холод ледяной небытия
Уже успел мне в сердце просочиться.

29 июня 35

ВНОВЬ СНИЛОСЬ МНЕ...

Я опять слыхала их во сне
(Видно, силы злые вновь развязаны!),
Те слова, что на ухо не мне, –
Ей, и только ей! тобою сказаны...

И опять я видела, опять! –
Видно смерть сама моим водила взглядом

И вовеки ревность не унять, –
С ней, и только с ней ты снялся вместе, рядом!

И таким, наверно, будет ад...
Как мне скучно вдруг при этой мысли стало!
Слово каждое и каждый взгляд –
Повторится всё, как было, всё сначала...

18 марта 941

LASSITUDE*

В швейцарском глухом городишке
Пожить бы вдали от тревог,
Бродить, не зная одышки,
По скатам горных дорог;
Любоваться на снежные кручи,
Тишину, как воздух, впивать,
С тобою (что может быть лучше)
Неспешные дни доживать...
Стрижи суетятся со свистом,
Плющ заплетает окно,
В домике, празднично-чистом,
Покоя и книг полно,
В камельке медный чайник вскипает,
Старый пес чуть ворчит во сне,
Вечер прозрачно тает
И стихи ты читаешь мне...
Так мне снится... А в жизни – знаю! –
Ни на миг нам не ускользнуть

* Усталость (*англ.*).

В тот уют: по самому краю
Непокоя пролег наш путь...

июнь 42
Фрунзе

* * *

Лэди долго руки мыла,
Лэди долго руки терла,
Эта лэди не забыла...

Ходасевич

И так всю жизнь? Всё не могла вот этого забыть?
Не верю! жалкие слова! а так не может быть!
Сначала... ты не можешь спать, боишься темноты,
И в каждом встречном для тебя – мертвец, его
черты.
Шепнут ли имя – по вискам скользит холодный пот,
И под ногами у тебя как будто зыбкий плот.
Улыбку жалкую с лица ногтями не содрать
И обернуться жутко: вдруг – он тянется догнать...
Так дни идут: огонь и лед; бессонница и страх,
И вдруг, внезапно, перелом и – ненависти взмах!
«Не жертва ты, а ростовщик! С тобою квиты мы!
Тебя я больше не боюсь, как не боюсь тюрьмы!
Покончено с тобою! Спать! без сновидений – спать!»
С какой-то радостью шальной кидаешься
в кровать.

И спишь часы свинцовым сном, без сновидений
спишь,
Пока тебя не вскинет крик, прорезав эту тишь:
Опять всё в памяти всплыло, – и тот последний
хрип,
И тот особый холодок, что к пальцам как прилип...
И сразу – тёплый ливень слез. О нем ли? о себе?
Сама не знаешь, только шлешь проклятия судьбе.
А там стихаешь и... вины как будто легче гнет,
И ты рассеянно следишь, как пустота ползет...

27.XI.42

* * *

Прощаться всего трудней. Потому
Лучше всего умереть одному.
Чтоб были только стул да кровать,
Чтоб некого было к себе позвать,
Ничьих не увидеть последних слез,
Чтоб никакой подкроватьный пес
Руку, что свесилась, не лизнул,
Солнечный луч в дверь не скользнул,
Бабочка не залетела в окно...
О, только бы, только бы не весной!
О, если бы ночью! И чтоб звезда
Упала. Другая... Еще... Тогда,

То снилось нам! То Диккенс нашептал
Чудесную рождественскую сказку, –
Как пел сверчок и камелек трещал,
И детски верилось в счастливую развязку...
А жизнь загнала нас в бездомный непокой,
В суровую нужду, в безвыходность изгнания...
И, в сущности, нас нет, а в комнате пустой –
Лишь тени греются теплом воспоминанья...

4.1.43

* * *

Да, это – старость... и никто уже
не станет, задыхаясь, мне шептать,
что кожа у меня – атлас прохладный,
что у меня айвовое дыханье
и темный хмель – крылатые глаза...
Никто... никто!.. как щупальцы, морщинки
впились мне в тело и поглубже – в душу,
и ни на что уже живым порывом
я не способна больше отвечать...
А вот живу... не возмущаясь даже,
что с каждым днем мне всё скучнее жить,
что этой жизни не воспринимаю
я ссохшейся душою, а о прошлой
так запыленно стала вспоминать...
Всё понимаю я... и всё ж не меньше

мне больно от обиды, чисто женской,
что мне уже почти совсем не лгут...

2.1.949

* * *

Он нами позабыт, покой...
Еще войны скелеты не истлели,
Травой не заросли развалины и щели,
Как снова смерть маячит над землей...

Живем, работаем... но мучит ощущение,
Как взглянем на дома, на звезды, на детей,
Что мы – свидетели последних дней
Последнего земного поколения...

Что миг еще – и разлетится твердь
И огненным самумом взмает,
И Страшного Суда труба завоет,
И – Смерть!..

28.1.49

* * *

Дремлется? – Пускай:
Может быть, то – рай,
Что тебе всё снится...
Ты сомкни ресницы,
Крепче засыпай...
Может, и приснится
Старая криница
И вишневый сад...
Спустишься к тропинке,
Где растут барвинки,
Пчелы зажужжат...
И рукой мониста
Ты откинешь, быстро
Побежишь назад...
На рассвете росы,
За спиною косы,
Утра холодок...
И средь мяты дикой
Цепкой повиликой
Снятый башмачок...
Нет, не просыпайся!
Лучше оставайся
Маленькою Золушкой навек!
Счастья так немного:
Счастье – недотрога...
Нет, не размыкай усталых век!

30.I.49

* * *

Белой пелеринки бантик кружевной...
Помнишь: с вечеринки мчалась ты домой...
Первый раз ты славы сорвала листок,
Огненной отравы отпит был глоток...
Мчалась окрыленно, миг – и принешь в высь,
И замороженно улицы неслись,
Звезды отражались в уличной пыли,
Купола качались и сады цвели...
Наконец ты дома, дверка заперта,
Всё здесь так знакомо... только ты не та...

31.1.49

* * *

Мой первый бал... Казалось, от волнения
Я накануне ночь не буду спать,
Но лишь успела лечь, как сновиденья
Заполонили девичью кровать...
Воздушных платьев радужную грудку
Принес Олэ-Лукойэ: «Выбирай!»
Сам приколот мне каплю изумруда,
Окутав плечи в дымно-лунный фэй,
И веер дал – совсем необычайный! –
Из крылышек мерцающих стрекоз,
И сладостным дыханьем розы чайной
Мне напоил узлы тяжелых кос,

И туфельки надел, – и Сандрильона
В таких не танцевала на балах!
И вот уже в сплетеньях котильона
Я отражаюсь в льдистых зеркалах.
Вокруг меня – мундиры, ленты, фраки,
Кружение вальса... вальса без конца...
Но тут внезапно лай моей собаки
Донесся звонко с заднего крыльца.
Глаза открыла, – платье не из фая,
И веер прост, и туфли... всё под стать...
А в том, что снилось, – нет, не я, – другая
Появится и будет всех пленять...

31.1.49

* * *

Провалюсь: ведь двадцать три билета –
Двадцать до экзамена часов!..
А шарманка, будто зная это,
Дразнится на тысячу ладов.
Пятачок швырну в окно и прочно
Вновь запру... а там – сирень... сирень...
Влип Наполеон в войну нарочно!
Господи! и как ему не лень?
Жил счастливец бы в своем Париже,
Нет, ему полмира подавай!..
А к стеклу сирень прильнула ближе,
В комнату заглядывает май...

Дремлется старухе...
 «Запирай-ка дверь.
А дурные слухи –
 плюнь на них, не верь!»
И пропал в ненастьи...
 Старой невдомек,
Что пошел за счастьем
 русый паренек...
На рассвете глухо
 кто-то крикнул: «Мать!»
Кинулась старуха
 двери открывать:
Кровью весь залитый,
 прямо на порог
Головой разбитой
 паренек прилег...
Больше на гулянку
 парню не ходить,
Смуглую цыганку
 больше не любить...
Вместо счастья горе –
 горькое одно,
И как в сине море –
 он ключом на дно...
Ты зачем, обманный
 якорек, солгал?
Плыл рассвет туманный,
 и петух кричал...
Да с надрывным плачем
 наклонялась мать,

Чтобы с глаз незрячих
муху отогнать...

8.2.49

* * *

Стефану Цвейгу

Море, а над ним благоухает
рай потерянный – цветущий сад,
но его никто не замечает
и ничей не радуется он взгляд.

И закатов не нужны пожары,
некому на звезды здесь смотреть,
и влюбленных не клянутся пары
вместе жить и вместе умереть.

Здесь магнит – дворец аляповатый,
он – маяк всемирный игроков;
мечет их волною бесноватой
через «зал потерянных шагов».

Здесь – фантомы, марионетки, мимы:
человеческое всё, как шквал,
белым шариком неутомимым
смёл стола зеленого овал.

И единственная всей толпою
мысль владеет: «выиграю я!
преступленьем ли... любой ценою!..» –
Всё на ставку: честь, любовь, семья!..

Напряженные глаза незрячих,
восковые маски вместо лиц,
жуткие конвульсии горячих
резко вздрагивающих ресниц.

Но всего страшнее руки эти!
На столе они одни живут:
голые, бесстыдные, при свете
заклинают, гибнут, но не лгут...

Женская рука... необычайной
ослепляющая красотой...
Миг – пронизанная дрожью тайной,
пауком вцепилась в золотой...

Старца руки... вялые, из ваты...
им головки бы внучат ласкать! –
а они, – жестоки и лохматы, –
зверем прыгнут ставку подобрать...

Вот – мужская... сдержанною силой
налита и мужеством... Нырнет
шарик на зерро, – она бескрылой
мухою, царапаясь, ползет...

Сколько рук!.. Те – щупальцами спрута,
те – трусливым вором, те – скупцом,
те – убийцею, – все ждут: кому-то
стать Данаею – перед концом?!

Волны, облака, цветы – впустую
расцветают, тают, плещут тут:
нежить, а не люди круговую
навью пляску у столов ведут.

Но кончают разно: те – беспечно
только честью платят за урок,
те – душевной каторгою вечной,
те – нажав спасительный курок...

И никто над ними здесь не плачет,
их тайком хоронят по ночам...
Одержимый шарик снова скачет,
золото кочует по столам...

10.2.49

ДАВОС

Колоколенка вытягивает шею:
ей не терпится в вагон к нам заглянуть,
да под снежной ватой сосны, цепенея,
несговорчивые, заступают путь.

И карабкается поезд выше, выше,
вот еще последний тягостный подъем, –
и внизу Давоса запестрели крыши,
глянул озера округлый оком.

Невесомый горный воздух пьешь глотками,
шире открывая пересохший рот,
сердце, белкой в клетке, мечется скачками,
и до слез слепит добротный снег и лед...

Вот проносятся веселою гурьбою
загорелые спортсмены в свитерах,
равнодушно оставляя за собою
лихорадящую ненависть в глазах.

Жизнь, что теплится едва-едва, а рядом –
молодости хмель, задор здоровья, смех...
Как же вынести придуманную адом
пытку завистью, горчайшую из всех?!

Этой завистью напоенная злоба
(к тем, которым жить еще десятки лет)
обреченными, стоящими у гроба,
сгустком крови алой выплюнута вслед...

А веселые спортсмены, вперегонку
на бобслэях уминая горный наст,
мчатся молнией, аукаются звонко:
что им смертники, лежащие, как пласт!..

Хорошо бы этот шумный шквал здоровья
выплеснуть навек за горный перевал,
чтобы там бурлил он неумной кровью,
вызывающим весельем там взмывал!

Ну, а тут – пускай, как дни неторопливый,
мягко падает уютный снег густой,
нежно покрывая городок застылый
убаюкивающей тишиной...

16.2.49.

АЗИНЬКА

Всеволоду Рождественскому

Жизнь и смерть – лишь тенью незаметной,
тенью от бегущих облаков...
фавний взгляд и этот локон светлый –
только тень, как в письмах – тени слов...

И хоть выжгло страстью напряженной
душу, всё отдавшую любя,
но другой – сестре – поэт влюбленный
славу дал, не вспомнив про тебя.

И навек ее очарованье,
и улыбку, и оттенок глаз,
даже легкое ее дыханье
он бессмертьем одарил для нас...

Но когда с ее портретом рядом
видишь твой, – то вспоминаешь вдруг:
он с тобой обменивался взглядом,
он с тобой делил свой недосуг...

И тебя он одарил иначе:
он стихи читал тебе, с тобой
откровенным был... сестры богаче
ты умом и сердцем... не судьбой!

Над тобой – за детский крестик – злая
клевета, как нетопырь, вилась...
За бессмертную любовь – другая
близила к поэту смертный час...

Про дуэль ты знала... тайну эту
ты с собою в гроб не унесла ль?..
Не в укор великому поэту, –
Азинька, – одну тебя мне жаль!

18.2.49.

* * *

Словно бред нечаянная встреча,
и о ней никак мне не забыть:
был промозглый, бесприютный вечер,
зябкий дождь пытался моросить.

Вдруг возникла на углу старуха, –
клювом нос, колючий, цепкий взгляд, –
льнет вплотную и бормочет глухо:
«Что ж твои покойнички молчат?
Почему они тебе не снятся,
знака о себе не подают?»
Трудно ведь одной-то спотыкаться,
непокой в душе да неуют...
Потерпи, – теперь уже недолго:
обобьют глазетом только гроб,
и песок – он от дождя отволглый –
застучит по крышке, хлоп да хлоп...
Ничего: земля ведь не тяжела,
чем одной по жизни-то плутать»...
И – пропала. На пустой панели
я одна... и некого позвать...

7. IV. 49

* * *

В угол загнала меня старуха,
сбила с ног, вцепилась мертвой хваткой...
Оттого и кашляю я глухо,
и не сплю, и тлею лихорадкой...
И уже от ведьмы не отбиться:
за плечами скалится вплотную.
Мне бы засмеяться, отмолиться!..
Да забыла как... Лежу, тоскую

да молчу, свыкаясь с тишиною...
Лишь одно меня пугает до удушья,
что уже меж близкими и мною
легкой паутинкой – равнодушьем...

14.1.50

АШХАБАД

Весна, а сверкает летом
И полны водой пруды,
И спорят с вишневым цветом
Розовые дрозды...

КОКТЕБЕЛЬ МАКСА (АКВАРЕЛЬ)

Летние зори
Пурпурными хлопьями
Сыплются в море.
Морю они ни к чему:
Рыбок в них тьма
Золотых...

январь 27

* * *

Георгию Шенгели

В газовой воздушно взбитой пене,
Облачком в погоне за мечтой,
Не пришлось мне проблистать на сцене
Перед зачарованной толпой.
Грусть Одетты в лебединой стае
И Снегурки тающий намек
Не пришлось мне воплотить, взлетая
Под рыдающий смычок.
Эта жизнь мне годы только снилась:
Пестрядь зыбкая кулис,
Сноп лучей, – и вихрем я носилась
В лихорадочном «Саргісе»...
Призрак мною был, с моею кровью,
Телом, обликом, душой,
Но чужой сгорала я любовью,
Радостью пьянела я чужой.
С явью сны совсем, совсем не схожи,
Но остался сновидений след, –
Поступь легкая... Недаром всё же
Айсигеною меня назвал поэт!..

20.XI.52

* * *

Белая стая тает над крышей,
В небе лазури клочок.
Бьется покорнее, глуше и тише
Старого сердца комок.
Дни, словно белая эта стая,
Неуловимы... И вот беда –
Целая жизнь унеслась, истаяв,
И от нее – ни следа...

11.8.53.

* * *

А жизнь ушла... Лишь смертная усталость
Всегда со мной... Она одна осталась
Взамен всего, чем я жила... Теперь
Измены не страшны, не жаль потерь,
Давно ничто и слез не вызывает...
Немею, стыну в гулкой пустоте...
Слов не найти, – они всегда не те,
Как будто инеем их осыпает...

15/XII.53

ПОЧТИ ИЗ ГЕЙНЕ

«Разбитое сердечко» –
Цветы зовут,
И на могилах часто
Они растут.

Но милая задорно
Их на окне
Сажает и сажает
На горе мне:

Чтоб ревностью затерзан
Я был вконец, –
И сам мое повесил
Средь тех сердец!

3.XI.54.

* * *

Пышно встали сочные травы,
Но под ними болота муть...
К той опушке сверни направо
И тропинка укажет путь:
Там могилка вьюнком завита,
Пеленой кукушкиных слез,
А вокруг, как девичья свита,
Легкий строй молодых берез.

И такое здесь ясное небо,
И такая здесь тишина,
Что, – ты знаешь, – хотелось мне бы
Здесь прилечь для вечного сна...

3.VII 55.

РОМАНС

Вы вчера мне снились, родная,
Вы мне снились в тысячный раз,
Но не так, как всегда: чужая
И с недобрым прищуром глаз.
Нет, вы были совсем иною, –
Очень ласковой и простой,
Дали мне завладеть рукою
И прижались к плечу щекой;
Не прервали насмешкой злою
Обезумевших клятв поток,
Даже щедрой были со мною:
Подарили мне свой платок.
И потом, меня отстраняя,
Всё ж коснулись руками глаз...
Вы мне годы снились, родная,
Но такой – только в первый раз!

Ночь – 11-IX-55

Трасса Харьков-Москва

* * *

Золотая осень снова наряжается
В листья всех оттенков и мастей
И спесивая рябина похвально
Гроздьями кораллов меж ветвей.
Хоть не греет солнце – притворяется!
Ветер паутинки гонит без пути.
Карнавально-пышно осыпается
Осени цветное конфетти.

сентябрь 1957 г.

ПОД ГАРМОНЬ **(РАДИО В ПОЕЗДЕ)**

Он зазнобушкой своею называл,
Пел мне песни, целовал и миловал,
А потом всю душу взял и ознобил;
«Не нужна, мол; я другую полюбил,
С ней, желанною, пойду я под венец»...
Что ж: стерплю. А только песне – не конец:
Ты когда-нибудь заглянешь по пути,
Мимоходом, чтоб утешить: «Не грусти!»
А в ответ тебе я смехом как плесну,
Острым ножичком по сердцу полосну, –
Так и ляжешь ты у ног, мой озорной,
Не плевал бы девке в душу, мой родной:

Я ведь тихая, – и слова не скажу,
Только мертвым у порога положу.
И не стану жадно в губы целовать,
И не стану с плачем к сердцу прижимать.
Вытру ножик, положу на поставец...
Вот теперь – и песенке конец!..

*27 января 1958
дорога в Брест*

НИКОЛАЮ РЕРИХУ

Снова я вижу твои закаты,
Небо в немыслимых облаках,
Горные кручи и ветер крылатый,
Вихрящий нежный снежный прах.
Это пылание неповторимых,
Непостижимых красок твоих,
Эта бесплотность в твоих серафимах
И сновиденность в кряжах земных, –
Всё покоряет, как было когда-то...
Снова в душе и восторг, и страх:
Рядом мятется твой дух, распятый
В буднично-тусклых серых стенах.

19 апреля 1958

ГЕОРГИЮ

* * *

Любый мой! Ведь я была лишь тенью,
Только тенью верною твоей,
И училась мудрости терпенья
В будничном теченьи дней.
Смерчем неудач скосило годы,
Разрасталась травля за спиной,
Но твои тревоги и невзгоды
Все делил ты поровну со мной,
Верилось – пока вдвоем, – пустое –
Клевета врагов и немота друзей:
Выстоим! переживем! – нас двое –
Значит: в мире нету нас сильней!
Верилось, что счастье – рядом, рядом! –
Стоит только руку протянуть
И, без слов, лишь обменяться взглядом
И к груди твоей прильнуть...
Умер ты... страшнее нет утраты.
Этих слов вовеки нет страшней!..
По ночам со мною до утра ты,
Днем я – голем, тень среди теней...

1957

* * *

...Ин побредем, Марковна...

Протопоп Аввакум

Нет! – одиночества вдвоем
У нас ведь не бывало...
И я жалею об одном:
Что вместе жили мало!
Каких-то жалких тридцать лет
И страшный год разлуки, –
Войны неизгладимый след,
Отчаянья и муки...
Мы всё делили пополам:
Скупого счастья блески
И горе щедрое, – и нам
Мир не казался жестким...
И верилось, что добредем
Вдвоем мы до могилы
И там мы вместе отдохнем,
Как вместе жизнь прожили...
Но ты ушел... и я одна...
Но ждет за счастье плата, –
И одиночеством до дна
Жизнь и душа объята.

14 января 1958

* * *

«Умереть не страшно... страшно умирать»...
Больше ничего ты не успел сказать...
Жалко улыбнулся и замолк навек...
Мир не содрогнулся... Умер Человек...

Холод рук скрещенных... скорбных губ излом...
Горем освященный опустевший дом...
Всё теперь не важно, надо лишь понять:
«Умереть не страшно... страшно умирать»...

14 января 1958

* * *

Руки мои... в мелкой сетке морщин...
Зябкие... жалкие... Вам ли поэты
Самозабвенно слагали сонеты?
Вас ли клялся не забыть ни один?
Старые руки, под сеткой морщин...
Жадные губы не в вас ли впивались?
Вы ль под дождем поцелуев купались?
Кольца с заклатьем на вас надевали?
Как вас любили!.. и как проклинали!..
Много их было, – покорных, влюбленных,
Кожею этих вот рук опьяненных...
Много... А только не всё ли равно? –
В памяти стерлись, забыты давно

Все эти клятвы, мольбы и проклятья...
Помню?.. – Предсмертное помню пожатье...
Ты, кто был счастья и жизни дороже, –
Только твое – я и помню... до дрожи...

26.1.58

Дорога в Брест

* * *

Поезд несется средь снежного блеска.
Блеклое небо и ветер нерезкий
До горизонта – леса и леса,
Белые, словно мои волоса...

Это – гигантский ковыль, не деревья!
Вся бесприютность, вся скука кочевья
Хлынули в душу... от голых ветвей
Боль одиночества только острее...

27 - I - 58

Дорога в Брест

* * *

Ты в первый раз никак не отозвался
На задыхающийся шепот мой:
Ты от меня как будто отстранялся,
Уже чужая маяте земной.

Напрасно я дыханьем губы грела,
Пытаясь жизнь на миг хоть удержать:
Ненужное душа стряхнула тело
И – не вернуть ее, и не догнать...
И я сама тяжелые ресницы
Тебе сомкнула, чтоб не видеть лед
Остекленелых глаз, что будут сниться –
Годами сниться! – ночи напролет...

16 мая 1958

* * *

Если бы знать, что после смерти, –
Там, – ты встретишь меня,
Я не стала бы ждать – поверь ты! –
И одного бы дня,
А захлестнула бы аккуратно
Петлю на шее и – край...
Только бы знать!.. тогда всё понятно,
Значит – он есть, – рай!

15 апреля 59

* * *

Прости, что я жила скорбью.

Ахматова

Прости, что я смеюсь порой,
Звездой люблюсь голубою,
Что нарушаю твой покой
Слезами, жалобой пустою...

Ты мудрым «там», наверно, стал,
Я «здесь» – ничтожной и земною...
Но если бы ты только знал,
Как страшно мне не быть с тобою!

20 мая 59

* * *

А жизнь идет... Всё реже, реже ночью
Ты снишься мне, я говорю с тобой
И жалуюсь, что не могу помочь я
Тебе воскреснуть книгою живой...

Твоих стихов неизданных тетради
Замкнуты в стол, как будто в гроб глухой, –
Их надо воскресить!.. Но клянчить Христа ради
Я не могу: ты гордым был, родной...

ноябрь 59

* * *

Никому до тебя нет дела,
Не с кем слова даже сказать...
Беспощадно осиротела:
Муж в могиле. В могиле мать.
Не хитри и брось притворяться,
Что кому-то еще нужна.
Лучше мужественно признаться:
Ты одна... до смерти – одна...
Разве жизнь – эти дни без счета,
Словно стершиеся медяки,
Эти нищие сны без взлета
И приливы дикой тоски?!
Ты ведь прежде не раз умела
Жизнь зачеркивать, как черновик,
Что же медлишь ныне? – ведь тело
Благодарно поникнет вмиг,
А душа?.. она устремится
В тот заманивающий простор,
Где любимый, и превратится –
На мгновение – в метеор...

2 сентября 1960

* * *

«О тоске своей не надо говорить,
Постарайся одинокою прожить...
Вспоминай, как много в жизни было встреч,
Что умели сердце полымем прожечь,
Вспоминай, что многим милой ты была»...

«Всех забыла, одного вот не смогла...
С ним хоть горя и хватила через край,
Но зато лишь с ним узнала я, что рай
На земле бывает, на земле простой...
Без него ж теперь вся жизнь – орех пустой»...

сентябрь 1960

NUIT BLANCHE*

Нет! я такой тоски дремучей
Еще не знала никогда!
О память, пощади, не мучай,
Развейся пеплом без следа!..
Нельзя же так, без сна, годами
Всё тот же призрак вызывать
И пересохшими губами
Ласкать, молить и заклинать...

* Белая ночь (*фр.*). На полях рукописи – вариант заглавия: «Nuits blanches».

С ума бы мне сойти скорее
И жить в беспамятстве, в бреду...
Но снова ночь, и я не смею
Заснуть и обреченно жду...

4 сентября 1960

* * *

Много в жизни я подарков получала...
Мне, признаюсь, нравились сначала
Орхидеи и духи, хрусталь, как льдинка,
И бесценных кружев паутинка,
И загадки мрачного опала,
А потом всё разом – надоело и пропала
Радость: я рассеянно, невдушно
Принимала все подарки, – стало скучно...
Всё ждала: ужель никто не одарит таким,
Чтоб навек остался дорогим?..
Не на радость, но сбылось мое желанье:
Одарил меня мой милый на прощанье, –
Крест в венке терновом, темный, строгий,
Как орден мечты над неверной дорогой...
«Вернусь я едва ли, но помни и знай, –
Любви даже смерть не убьет... ну, – прощай»...
Сколько раз я крест тот целовала,
Сколько лет над ним я прорыдала!..
И другой подарок получить мне довелось:
Книжечка стихов, прострелена насквозь,

Найдена в мешке убитого бойца*...
Знаю наизусть ее, но без конца
Я ее читаю вновь, и вновь, и вновь:
Смерти неподвластна лишь любовь.

17 марта 1961

* Подлинный случай: эта книга, «Избранные стихи», была привезена и передана Шенгели вскоре после войны (В.П.).

АЙСИГЕНА

Все мы вышли из гоголевской
«Шинели».

Э.-М. де Вогюэ

(приписывается Достоевскому)

Вышли мы все из народа...

Песня

Пересечение этих двух утопанных путей означило катастрофу. Тектонический сдвиг быта, бытия, истории, современности, культуры, варварства. Позвонки столетий разошлись – и судьбы тех, кто очутились между ними, распались, как стекляшки сломанного калейдоскопа.

Все эти метафоры есть у лучших очевидцев – поэтов того времени: не воображением созданы, но писаны с натуры. Успели превратиться в клише, но не перестали быть верными...

В «незабываемом 1918-м» Нине Манухиной было двадцать пять лет. И она писала стихи – о переживаниях, которые ей самой, конечно, представлялись единственными и неповторимыми и которые, будучи изложены на бумаге, были очень похожи на то, что сочиняли многие ее сверстницы с благополучной изначально судьбой, надыхавшиеся декадентскими пряностями символизма.

Я люблю полумрак моей красной гостиной,
Средь тяжелых портьер приютившийся стол...

Или так:

Мягких складок капота уютная нега,
Книжка вычурной Нелли иль строгой Парнок...

Ирония, впрочем, нимало не мешала брать эпиграфом к собственным стихам строки «вычурной Нелли» – Надежды Львовой...

Выращенная в семье *принцессой*, уверенная в себе, знающая цену своей эффектной привлекательности, образованности, уму, она с детства привыкла к само собою разумеющемуся.

Например, что свадьба с преуспевающим врачом Сергеем Манухиным – это медовый месяц на юге Франции и в Монте-Карло.

Или что *слабые легкие* – это санаторий в Давосе. А там, конечно, красавец-француз, граф Андре Фонтен. И – любовь, и – Париж, и...

Легкие останутся слабыми на всю жизнь, но Давоса больше не будет, он разве что мелькнет лет тридцать пять спустя в стихах, словно впервые – из вагонного окна – увиденный:

Колоколенка вытягивает шею:
ей не терпится в вагон к нам заглянуть,
да под снежной ватой сосны, цепенея,
несговорчивые, заступают путь...

Романтика любви расшибется о реализм Первой Мировой. Граф отправится воевать – на собственном аэроплане, будет смертельно ранен. В революционно-обезумевшей Москве непостижимым образом найдет Нину телеграмма от матери Андре, зовущая еще застать его в живых. Но о поездке речи быть не могло...

Среди московских приятелей – такие же, как она, начинающие стихотворцы, художники, артисты: герой-любовник немого кино и кумир зрительниц Малого Владимир Максимов, читавший с эстрады ее стихи, к нему обращенные, или будущая театральная знаменитость, остроумец и щеголь Абрам Арго...

Трагические события европейской и российской истории вмешались в литературный, по всем внешним признакам – *романный* сюжет этой жизни, однако поначалу не слишком повлияли на ее движение: след различим, лишь когда *знаешь* – что́ из происходившего обернулось стихами.

Высытся пышного, невозмутимого снега сугробы.
Шепчет невнятно колючий, нахмуренный ельник.
Здесь, где лежишь ты, любимый, в крови и без гроба,
Справлю свой скорбный сочельник...

Датировано двадцать четвертым декабря восемнадцатого года. А стихи о том, как искали они место, где расстреляли офицера – второго, любимого мужа матери.

Четверть века спустя, посреди Второй Мировой, эти строки отзовутся в другом, ничуть не более оптимистичном, написанном в эвакуации, в Киргизии, «Беженском сочельнике»:

Как нитевидный пульс, копилки огонек.
От стен, покрытых липкой сажей,
Ползет знобящий острый холодок
И стужа у дверей стоит на страже...

Говоря о Манухиной, мне то и дело приходится сдвигать времена и события, наслаивать их друг на друга. Быть может, потому, что познакомился я с Ниной Леонтьевной

в конце шестидесятых – и в нечастых разговорах с нею время было прозрачно и проницаемо, ее легкая на подъем память свободно скользила сквозь десятилетия, непринужденно притормаживая на теме-сюжете очередного рассказа-эпизода. И в обратной перспективе этой памяти события были равно отчетливы, *реальные* или, если угодно, «исторические» расстояния до них не имели значения, никак не сказывались на их детализированной внятности.

В литературной жизни пореволюционной Москвы у Манухиной была роль не первого и даже не второго плана, но и не в массовке, едва отличимой от многочисленной публики. В муравейнике поэтических групп и объединений, манифестирующих *принципиальные* между собою различия, она выбрала наименее, пожалуй, экстравагантных «Неоклассиков», ее подпись значится под соответствующей «Декларацией» между неведомым А. Луганским и не более известным Г. Поповским, да и прочие имена, числом пятнадцать, мудрено ныне обнаружить даже в комментаторских петитах особо дотошных историков литературы. А набор банальностей, аккуратно поделенных на двадцать пунктов, весьма убедительно прогнозирует эту самую дальнейшую «творческую судьбу» поплывших сим «литературным течением».

Ну, скажем, так: «Неоклассицизм есть литературное течение, строящее творчество на базисе чистого классицизма, обогащенном всеми достижениями новых и новейших литературных школ, без уклонения в их крайности и аномальности». Или: «Неоклассицизм есть течение прогрессивное, идущее от классицизма к современности, в отличие от некоторых литературных течений, которые идут от левых формальных достижений (имажинизм, конструктивизм и пр.) к чистому классицизму, т. е. регрессивно». Еще: «Главной областью художественного творчества

неоклассицизм утверждает лирику, не отрицая других и не ограничивая сферу творчества, в соответствии с невозможностью ограничить бесконечно разнообразные уклоны, запросы и импульсы творческого гения». И так далее.

Представлять себе иронично-умную красавицу Нину среди этакой скукоты – совсем непросто. И потому не стоит. Когда я как-то упомянул про то, она лишь отмахнулась, показалось, чуть смущенно. А вот вообразить ее на шумных вечерах, вблизи знаменитостей, властителей если не дум, то вкусов, – запросто.

Седьмое декабря 1920-го, семь вечера, Политехнический, аудитория № 1. Турнир поэтов. Среди шести десятков участников – Брюсов (он же докладывает публике о «турнирной традиции» в мировой поэзии), Белый, Есенин, Маяковский, Цветаева, далее, по убывающей, Мариенгоф, Шершеневич, Рюрик Ивнев...

Нина Манухина, конечно, не на равных, но смотрит вровень. Ведь только что вышла ее первая (и единственная, как окажется) книжка с характерным заглавием «Не то...»:

Вся жизнь полна не чувств, а только отражений...

Не в Москве вышла, а в Кашине, тираж – крохотный, рецензент жестоко обругал, но какое это всё имеет значение!

И здесь, среди *избранных*, и в Кафе поэтов, и в каком-нибудь зале, набитом солдатами и матросами, она выходила на эстраду в вечерних платьях, сшитых у французского модельера Пуаре, сияя бриллиантами, еще не сданными в ломбард. Однажды некий крупный чекист спросил, не боится ли она появляться перед «победителями» в таком виде. И она ответила, что эти платья и бриллианты – знак равенства этой публики с той, предреволюционной, перед

которой она появлялась в тех же платьях и бриллиантах. И всего любопытней – эта публика принимала «на ура» ее стихи, особенно «Мечту о Париже», ей, публике, хотелось «красивой жизни»...

И еще один вечер поэзии стоит упомянуть – кажется, последний, где выступала она в превосходной компании, которая уже стремительно распадалась, да и вечера эти клонились к закату, уступая постепенно место всё более регламентированным встречам поэтов с публикой.

Двадцать девятое ноября 1925-го, воскресенье. Большая аудитория Политехнического. Заглавие – «Поэзия наших дней». Организован вечер Всероссийским союзом поэтов. *Представительство* – самое что ни есть широкое, можно сказать, *весь спектр*. Символистов представляют Белый, Верховский, Рукавишников, Чулков, акмеистов – Зенкевич, имажинистов – Мариенгоф и Шершеневич, футуристов – Большаков и Крученых, ЛЕФ – Асеев и Каменский, конструктивистов – Сельвинский, Инбер, Иван Аксенов, «неоромантиков» – Антокольский, Арго, Адуев, «визионистов» – Адалис, Пяст, Зубакин, Берендгоф, есть даже один «ничевок» – Р. Рок. Среди «неоклассиков» Манухиной не видно – она теперь числится на афише под строкой: «Др. группы и вне групп», вместе с Багрицким, Городецким, Есениным, Звягинцевой, Клычковым, Светловым, Шенгели...

Обращает на себя внимание отсутствие Маяковского. Оно легко объяснимо: вечер ведет – и со своими стихами выступает его не скажу недруг, скорее давний *антипод*, – публичный взрыв антипатий впереди, до него два года, – Георгий Шенгели. Председатель Союза поэтов, профессор Литературного института, председатель секции изящной словесности ГАХН и прочая, и прочая...

Нина Манухина – его возлюбленная. Девятого сентября двадцать седьмого года они поженятся. Шесть дней

спустя Шенгели писал Северянину в Таллин: «...Я... женат вторично: на Нине Манухиной, поэтессе, очень умной, высоко интеллигентной и блестяще остроумной. У нее есть все Ваши книги (до 17 г.), и мы нередко читаем вслух любимые вещи»...

Лестный для адресата пассаж подчеркнуто лаконичен. Северянину ничего растолковывать не надо. Шенгели знаком с ним полтора десятка лет, они дружны. Шенгели высоко ценит его дар и почитает за умнейшего человека – из всех, когда-либо встреченных. Северянинское презрение к публике, готовой носить поэта на руках, он понял давно – равно как виртуозность «эго-футуристического» пародирования ранне-символистских, «Бальмонтовских» тем, ритмов, интонаций, антуража. Говоря о Нине, Шенгели намеренно, явно выделяет ум и остроумие: она – из немногих *понимающих*...

Они познакомились в двадцать первом году, двадцать первого июля. В литобъединении «Литературный особняк», где Шенгели бывал со своим другом Мандельштамом. Поначалу – изредка, появляясь в Москве из своего Крыма. Потом перебрался в столицу – насовсем. К той поре из обитателей «Особняка» для него осталась только Нина. Много позже – в *автоэпитафии* – он подытожит:

...А что он любил на свете?

Нинку, стихи и Керчь.

В таком порядке...

Лучшая ее любовная лирика – из этой любви. Его – тоже.

Я думаю, что, если бы не эта встреча, *поэтессы* Нины Манухиной попросту не было бы. Посчастливилось ей – без него – уцелеть в тридцатых-сороковых, когда *умных* осо-

бенно не жаловали, и долго прожить, естественней всего было бы представлять ее себе кем-то вроде тезки, Нины Серпинской, начинавшей тоже стихами, одновременно с Манухиной, но вскоре от них отошедшей, умной и интеллигентной, чьи мемуары недавно изданы.

Эта встреча причинила Нине немало страданий, но... «страданием душа поэта зреет».

Стихи ее именно тогда по-настоящему и начались. После книги. Так бывает – так было и с Шенгели, для которого первая книга – «Розы с кладбища» – безнадежно устарела: в краткий отрезок между сдачей в типографию и выходом в свет.

Конечно, в этих стихах – «след Ахматовой» (а кто из тогдашних женщин без него обошелся?):

Я научилась пить вино разлук
С улыбкою не доброю, не злою...

И более явно, почти цитата:

Покоряться было сладко
Нежной боли и тоске,
И расстегивать перчатку,
Чтоб прижался ты к руке...

Но уже есть и свое, узнаваемое:

За крелящейся кормою
Солнце в брызги раздробя,
Жизнь плеснет, а ветер смоет,
Смоет память про тебя.

Она всё более чувствует себя включенной, вовлеченной в диалог поэтов, собственно в поэзию, где *масштабы*

собеседников не смущают, тем паче – не подавляют, потому что перед Музой все равны.

Захлебнулась шарманка «Разлукой»
По дворам и в пролеты лет,
Закрутил ее серб однорукый,
Смуглолицый сутуля скелет...

Это – «Обезьянка» (1922). Метафорически пережитая, разыгранная с собою в главной роли вариация на темы Бунинского «С обезьяной» («Бредет седой согнувшийся хорват», 1906–1907) и Ходасевича (Обезьяна: «...Дремал бродячий серб, худой и черный», 1918–1919). Тридцатилетием позже она отзовется и у Шенгели: «А иногда, пошевелив рукою, Приманивал к себе он ниоткуда Голодную, нагую обезьянку, Дрожащую от стужи, – и она Так мудро и беспомощно глядела...» (1953–1955).

И, наконец, прямое обращение к любимому:

Не девочкою – странницей усталой
Войду в твой дом: прими и обогрей...

Получилось совсем не *благостно* – страстно, порой мучительно, с ревностью, разрывами-встречами, отчаянием, доводящим обоих до мысли о самоубийстве, и – прекрасно.

При взгляде на почти восьмидесятилетнюю Нину Леонтьевну мне оставалось лишь удивляться – как некоторые из знавших ее поэтов и литературоведов могли видеть в Шенгели поэта, пусть крупного, значительного, но сухого и академичного *ученого*, «бухгалтера размеров», сдержанно-холодного, глубоко рационального. Ведь и я, и они видели перед собою проступающую сквозь паутину-патину почтенного возраста женщину, которая нипочем не ста-

ла, не смогла бы тридцать пять лет быть рядом с *таким* мужчиной, будь он хоть трижды гений...

Скажи мне, кто твоя любовь, – сможешь ли не ошибиться в тебе...

Она понимала, что обречена оставаться в тени Шенгели, что его сильный, темпераментный дар и феноменальная работоспособность для нее недостижимы. Но явления природы сравнивать нелепо: одно не *лучше* другого, они просто *разные*. И в стихах ее не видно *влияния*, зависимости от Шенгели, разве что обретенная уверенность голоса и руки, всё более – с годами – резкий, беспощадный прорыв к сути переживания.

Да, это – старость... и никто уже
не станет, задыхаясь, мне шептать,
что кожа у меня – атлас прохладный,
что у меня айвовое дыханье...

.....

Всё понимаю я... и всё ж не меньше
мне больно от обиды, чисто женской,
что мне уже почти совсем не лгут...

И три года спустя:

С явью сны совсем, совсем не схожи,
Но остался сновидений след, –
Поступь легкая... Недаром всё же
Айсигеною меня назвал поэт!..

В датированной серединой сороковых новелле Шенгели «Загробная кража» есть фрагмент: «...Стихи она слогала обычно в уме, иногда неделями бормоча строки, и только сложившееся и отделанное стихотворение впи-

сывала в тетрадку. Поэтому у нее не было черновиков с очаровательной мазией, перечеркиваниями, вставками, профилями и росчерками, где можно пальцами ощупать прорастание поэтического стебля. У нее были одни беловики, переписанные аккуратнейшим институтским почерком»... Героиня новеллы на Манухину не похожа, и судьба у ней совсем иная, но, листая Манухинские тетрадки, где малейшая правка – бросающееся в глаза исключение, я не сомневался, что Шенгели описывал именно их...

Он сблизил Нину с теми, с кем был дружен, кого любил и почитал. С Волошиным и Мандельштамом, с Грином и Ахматовой, с Кржижановским и Парнок, с молодыми своими друзьями-коллегам – Тарловским, Левиком, Тарковским, Штейнбергом, Петровых, Липкиным...

В их жилищах (сперва в Борисоглебском, 15, потом на Первой Мещанской, символически-наискосок от Брюсовского дома) останавливались приезжие друзья-писатели. Нина Леонтьевна весело вспоминала, как Грин, возвращаясь вечером в Борисоглебский в изрядном подпитии, молился перед сном: «Господи, помилуй мою жену, Нину Николаевну Грин, Феодосия, Бассейная, 18»...

На Мещанскую привел Шенгели приехавшую осенью рокового сорок шестого из Ленинграда Ахматову...

В тридцатых там же некоторое время жил бездомный после ухода из семьи Тарковский, спал под столом, куда ему – для чтения – провели лампочку. А лет десять спустя в той же квартире Тарковский знакомился с Ахматовой. В какой-то момент снял со стены, где развешена была хозяйская коллекция оружия, шпагу. «Кажется, мне угрожает опасность!» – заметила Ахматова. Тарковский парировал: «Анна Андреевна, я не Дантес». Она улыбнулась: «Даже не придумая, как вам ответить». – «Придумаете в другой раз»...

Разнообразных историй было множество. Упоминаю лишь наиболее запомнившиеся – просто чтобы попытаться хотя бы отчасти передать атмосферу дома, как вижу ее...

Здесь читали стихи, спорили, работали, играли в шахматы. Шенгели был магнитом, притягивающим сюда, Манухина, как сказал мне однажды Штейнберг, ведала аурой, вольным воздухом, нехватка которого в стране и столице ощущалась, что ни год, всё острее.

Но она и работала немало. Стихи писала редко, но переводила – и удачно: французских, грузинских, литовских, латышских поэтов, а также вороха стихов из среднеазиатских республик. Последнее было не более чем заработком, хотя тоже делалось добротнo. А среди *переводов по выбору* есть настоящие удачи. Мнение Шенгели можно счесть пристрастным, но среди хваливших переводы был и такой въедливый критик, как Корней Чуковский...

Смерть Шенгели в ноябре пятьдесят шестого стала для нее ударом сокрушительным. Пять медленных лет не могла она прийти в себя. Что было живым, становилось памятью. Ничто не помогало. Кроме стихов. Так возник цикл, посвященный – не «памяти» – просто «Георгию». Тринадцать стихотворений, о которых Ахматова сказала, что это – стихи «Тютчевской силы»...

Холод рук скрещенных... скорбных губ излом...

Горем освященный опустевший дом...

Всё теперь не важно, надо лишь понять:

«Умереть не страшно... страшно умирать»...

.....
Ты в первый раз никак не отозвался

На задыхающийся шепот мой...

.....

...Ты мудрым «там», наверно, стал,
Я «здесь» – ничтожной и земною...
Но если бы ты только знал,
Как страшно мне не быть с тобою!

.....
А жизнь идет... Всё реже, реже ночью
Ты снишься мне, я говорю с тобой
И жалею, что не могу помочь я
Тебе воскреснуть книгою живой...

Больше стихов не было.

«Поэт должен жениться на будущей вдове», – говорил Шенгели. Она была на год старше, смолоду болезненна, посмеивалась в ответ, мол, еще неизвестно – кто кого переживет. Но от смеха до слез – всего ничего...

Она выстояла, просто не могла себе позволить иного. Надо было сохранить наследие Шенгели, колоссальных размеров архив, тысячи страниц, большая часть которых при жизни автора света не увидела. Она справилась, собрав для приведения архива в образцовый порядок толковую «команду» из молодых поэтов, читавших и передававших по кругу «самиздатские» томики неизданных сочинений Шенгели. Она мучилась неудачами издательских попыток, но сделала всё, чтобы книги состоялись. Книги, до которых она не дожила.

Она сумела и в доме сохранить тот воздух, каким дышала с Георгием. Здесь по-прежнему собирались за чаем – читали стихи и переводы. Штейнберг – Мильтона, Рогов – Браунинга, да всех не перечесть. Шестнадцатого ноября, в годовщину смерти Шенгели, непременно приходили знавшие его. С годами их круг редел, но пустее не становилось – появлялись новые, всё более молодые читатели-почитатели. Места за столом не хватало, сидели на тахте, в соседней, смежной комнате, даже на полу...

О собственных стихах она вспоминала редко, только если с нею специально о них заговаривали. Об их дальнейшей судьбе не заботилась – не до того...

Нина Манухина умерла в восьмидесятом.

Четверть века спустя, по счастью, пришло время подумать об этом – за нее.

P.S. Я благодарен близко знавшей Нину Леонтьевну Ольге Обуховой (Имола) за помощь в подготовке этой книги.

С благодарностью вспоминаю и поминаю дочь Манухиной, Ирину Сергеевну, предоставившую мне некогда архив матери – для чтения и думания...

*Вадим Перельмутер
декабрь 2005 – январь 2006
Мюнхен*

СОДЕРЖАНИЕ

«Я люблю полумрак моей красной гостиной...»	3
Сочельник	4
Автопортрет	4
«Я научилась пить вино разлук...»	5
«Ночным медлительным покоем...»	6
«Легкой яхтой белорудой...»	7
Обезьянка	7
«Не девочкою – странницей усталой...»	9
«Я все приму как радость: дни простые...»	9
«Страшно кораблю в океане...»	10

ШЕСТЬ СТИХОТВОРЕНИЙ

1 «Значит, тесен мир, что на моем пути...»	11
2 «Я не сплю... ведь было, было это...»	11
3 «Уже не песок, а пыль...»	12
4 «Не то... не то... Под этим знаком...»	13
5 «Ты ли это, гордая такая...»	14
6 «Два подарочка оставил мне любимый...»	14
«Меня влечет водоворот...»	15
Дерби	16
«Свершая огненный полет...»	17
«Молния это? След ли...»	18
Зеркало	19
«И вдруг понять и всё простить...»	20
«Немилых дней меня знобит отуда...»	20

«О любви своей единственной...»	21
«И придет за номером бумажка...»	22
«Да, жизнь не удалась. Разлука не страшит...»	22
Вновь снилось мне...	23
Lassitude	24
«И так всю жизнь? Всё не могла вот этого забыть?..»	25
«Прощаться всего трудней. Потому...»	26
Осень	27
Беженский сочельник	27
«Да, это – старость... и никто уже...»	28
«Он нами позабыт, покой...»	29
«Дремлется? – Пускай...»	30
«Белой пелеринки бантик кружевной...»	31
«Мой первый бал... Казалось, от волнения...»	31
«Провалюсь: ведь двадцать три билета...»	32
«Хорошо воды напиться ключевой...»	33
«Глупые замашки...»	34
«Море, а над ним благоухает...»	37
Давос	39
Азинька	41
«Словно бред нечаянная встреча...»	42
«В угол загнала меня старуха...»	43
Ашхабад	44
Коктебель Макса	44
«В газовой воздушно взбитой пене...»	45
«Белая стая тает над крышей...»	46
«А жизнь ушла... Лишь смертная усталость...»	46
Почти из Гейне	47
«Пышно встали сочные травы...»	47
Романс	48
«Золотая осень снова наряжается...»	49
Под гармонь	49
Николаю Рериху	50

ГЕОРГИЮ

«Любый мой! Ведь я была лишь тенью...»	51
«Нет! – одиночества вдвоем...»	52
«Умереть не страшно... страшно умирать...»	53
«Руки мои... в мелкой сетке морщин...»	53
«Поезд несется средь снежного блеска...»	54
«Ты в первый раз никак не отозвался...»	54
«Если бы знать, что после смерти...»	55
«Прости, что я смеюсь порой...»	56
«А жизнь идет... Всё реже, реже ночью...»	56
«Никому до тебя нет дела...»	57
«О тоске своей не надо говорить...»	58
Nuit blanche	58
«Много в жизни я подарков получала...»	59

<i>Вадим Перельмутер. Айсигена</i>	61
--	----

Манухина Н. Л.

М24 Смерти неподвластна лишь любовь: Стихотворения. – М.: Водолей Publishers, 2006. – 80 с. (Малый Серебряный век).

ISBN 5–902312–84–1

Н. Л. Манухину (1893–1980, псевдоним – по первому мужу) при советской власти травили всю жизнь; рецензии на единственный сборник «Не то...», изданный в захолустном Кашине (1920), были убийственны: «Ей, <...> очень не по себе в нашей варварской стране». В 1927 г. поэтесса вышла замуж за поэта, переводчика, филолога Г. Шенгели, а когда в 1956 г. его не стало – четверть века разбирала и берегла архив.

Собрание стихотворений Н. Манухиной выходит впервые и приурочено к пятидесятилетию со дня смерти Георгия Шенгели.

ББК 84Р7-5

Манухина Нина Леонтьевна

Смерти неподвластна лишь любовь
Стихотворения

Литературно-художественное издание

Технический редактор *А. Ильина*

Корректор *В. Резвый*

Подписано в печать 18.04.06. Формат 60х90/32

Бумага офсетная. Гарнитура Баскервиль

Печать офсетная. Печ. л. 2,5. Тираж 100 экз. Заказ №

Издательство «Водолей Publishers»

119330, г. Москва, ул. Мосфильмовская, 17-Б

тел. (495) 786-36-35. E-mail: agathon@humanus.ru

Отпечатано в ИПП «Гриф и К°»,

г. Тула, ул. Октябрьская, 81-а

МАЛЫЙ СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

В СЕРИИ ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

Ещин Л. Е. Собрание стихотворений. 2005. – 80 с.

Участник Первой мировой и Гражданской войн, офицер армии А. В. Колчака Леонид Ещин (1897–1930) сочинял стихи в условиях Ледового похода – отступления к Приморью. Записал и издал он их лишь в 1921 году во Владивостоке («Стихи таежного похода»). Позднее Ещин жил в Харбине, где и погиб в нищете, оставив расплывленные в периодике стихи и небольшой рукописный архив. В книгу вошли все выявленные стихотворения поэта.

Эйснер А. В. Человек начинается с горя: Стихотворения разных лет. 2005. – 72 с.

В книгу вошли практически все сохранившиеся оригинальные стихотворения и избранные переводы Алексея Эйснера (1905–1984) – поэта, никогда не издавшего поэтической книги, друга Цветаевой и Эренбурга, участника Гражданской войны в Испании и узника сталинских концлагерей.

МАЛЫЙ СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

В СЕРИИ ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

Дураков А. П. Один из солнечных лучей: Собрание стихотворений. 2005. – 80 с.

Первый сборник стихотворений Алексея Петровича Дуракова (1898–1944), одаренного поэта русской Сербии, выходит в свет спустя более 60 лет после трагической гибели автора. Книга практически полностью представляет сохранившееся поэтическое наследие Дуракова, дополненное переводами из классиков сербской и словенской поэзии.

Отдел «Книга – почтой»
E-mail: agathon@humanus.ru